

«И ладен строй души, отверстой для любви»: образ Карелии в стихотворениях Беллы Ахмадулиной

К. И. Яшина

аспирант, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-3412-9262. E-mail: ksenkki13@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению образа Карелии в произведениях Б. Ахмадулиной. Материалом исследования стали стихотворения, написанные в июне 1985 года в Сортавале. Показано, что они могут быть рассмотрены как единый цикл. Актуальность работы обусловлена тем, что на данный момент нет исследования, посвященного особенностям репрезентации региона в стихотворениях Ахмадулиной, а вопрос описания края в русской литературе является недостаточно освещенным. Внимание автора сосредоточено на рассмотрении Карелии как места, вписанного в традицию изображения Русского Севера, но выделяющегося из нее. Доказывается, что одной из ее ключевых характеристик в «сортавальском цикле» становится смешение разных культур – русской, финской, карельской, скандинавской. Отмечается, что на первый план в описании выходят звуковые, цветовые и световые особенности пространства. В статье выделяются два символически важных локуса – остров Валаам и Ладожское озеро, с которыми связано доминирующее во всех стихотворениях чувство – гармония. Автор доказывает, что в произведениях представлено поэтапное постижение окружающей местности и попытки высказать впечатления в поэтическом слове. Тема творчества, которая объединяет все рассматриваемые произведения, приобретает новые черты. Характерный для Ахмадулиной мотив уединения и отрешенности стихотворца дополняется темой единения с природой. Близость Валаама трансформирует образ поэта, живущего в одиночестве, дополняет его чертами монаха-колдуна. Также автор отмечает, что Карелия в произведениях маркируется как северное пространство. Высказывается предположение о близости стихотворений смысловой установке Северного текста русской литературы.

Ключевые слова: Ахмадулина, «сортавальский цикл», Карельский текст, Северный текст, Валаам, Ладожское озеро.

К вопросу изображения Карелии в русской литературе исследователи подходят по-разному. В ряде работ она рассматривается как часть обширной территории – Русского Севера, и произведения о ней включаются в Северный текст русской литературы. Географически границы этого понятия определяются как «русские районы Карелии и Коми республики, и северные районы Новгородчины, Кировской и Пермской областей, и Мурманскую область, Кольский полуостров», «территория к северу от водораздела Волга – Северная Двина до берегов Ледовитого океана и от границ с Финляндией до Уральских гор» [3, с. 22]. В других работах Карелия выделяется как самобытная культурная и литературная зона, где на протяжении длительного времени соприкасались непохожие друг на друга этнические общности. А. Б. Изотов отмечает, что «это пространство [Сортавалу] прошли, запечатлев на нем свой след, многие народы: карелы и шведы, финны и русские» [6, с. 149–150], поэтому там уживаются и русская древность, и карельские, финские топонимы, и мифологические образы Калевалы. Говоря об истории художественного освоения местности, исследователи отмечают, что «первым, кто упоминает о землях вокруг Белого моря, Онежского и Ладожского озер, в русской поэзии стал М. В. Ломоносов» [11, с. 38], а затем к этой теме обращаются Ф. Н. Глинка, В. Г. Бенедиктов, Н. А. Клюев, О. Э. Мандельштам и другие поэты.

Нужно отметить, что в работах, посвященных изображению Карелии в литературе, выделяются повторяющиеся природные, климатические и ландшафтные образы и рассматривается вопрос о существовании отдельного локального текста. Так, по мнению И. А. Разумовой, «в “карельском тексте” закономерно преобладают символы мира природы» [12], ключевые из них – скала, лес, вода, а определяющими понятиями для него становятся «заповедность» и «естественность». Отдельные «природные символические комплексы» [13, с. 74] анализируются в статье Н. А. Трубициной на примере творчества М. М. Пришвина. Автор замечает: «В “карельском тексте” вода является важнейшим первоэлементом, из которого состоит мир,

поэтому ряд водных локусов являются для этой территории эмблематичными» [13, с. 76]. Е. И. Марковой была написана программная статья «Карельский текст как предмет изучения». В данной работе высказывается мысль о том, что определяющим фактором для развития литературы края стало его пограничное состояние, «соседство этносов», которое способствовало «сохранению культуры каждого» [7, с. 389] и диалогу между ними. Смысловый центр Карельского текста, таким образом, базируется на идее сближения человека с природой в оторванном от мира пространстве, где переплетаются разные культурные коды. Важнейшими константными признаками территории в литературе и восприятии людей становятся обилие водных объектов, образ леса и скалы.

Кроме того, Карелия в литературе представлена отдельными локусами, такими как Валаам, Кижы, Ладожское озеро. Они имеют богатую историю изображения и, по мнению некоторых исследователей, образуют собственные локальные тексты. Так, Н. Л. Шилова предлагает термин «кижский текст» [14, с. 1] и отмечает также, что «на протяжении XX столетия, начиная с текстов Клюева и особенно настойчиво в 1960–1970-е годы, в период самого обильного появления стихов и прозы о кижском острове, в литературных текстах складывается образ особого места, отдаленного и отделенного от бытового пространства края земли, куда в XX столетии бегут новые романтики в поисках чудесного и сакрального» [15, с. 48]. Таким образом, интерес Б. Ахмадулиной к Карелии логично вписывается в современную для нее литературную ситуацию. Кроме того, эти места посещали близкие ей люди, например, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, а Р. Рождественский жил в Петрозаводске, писал и публиковал там первые книги [10, с. 78].

Б. Ахмадулина побывала в Сортавале в июне 1985 года и написала там ряд стихотворений. Сведения об итоге этой поездки содержатся в воспоминаниях Жанны Андреевой: «В первых числах июня 1985-го Борис Мессерер подвез Лизу в Репино, и они с Беллой отправились вместе (без Бориса) в Сортавалу. Возвращение – в конце июня. Целая кавалькада машин с встречавшими подъехала к Финляндскому вокзалу. Вышли на платформу. <...> Когда основной поток рассеялся, я увидела Беллу и Лизу. <...> Они были в тот момент очень похожи, на лицах – и вдохновение, и детское удивление, и еще что-то, какая-то общая тайна, объединившая их двоих там, в Ладожских шхерах. Белла сразу заговорила: “Я столько написала... но все такое... то, что трудно на слух, что лучше глазами читать”. <...> Компания вместились в маленький номер с видом на Летний сад, и впервые прозвучали чудной красоты слова:

Лапландских летних льдов недалняя граница.

Хлад Ладоги глубок, и плавен ход ладьи.

Ладони ландыш дан и в ладанке хранится.

И ладен строй души, отверстой для любви» [5, с. 539–540].

В одном из интервью дочь поэта Елизавета Кулиева, которая ездила в Карелию вместе с Ахмадулиной, назвала эти произведения «сортавальским циклом»: «В Сортавале нам дали домик на двоих. Цвела черемуха, мама огромными охапками таскала ее в дом: “она – туоми, и кукива туоми, коль в цвету”. Мама привезла с собой пишущую машинку, которую ей подарил Василий Аксенов. <...> На этой машинке и выстукан потрясающий сортавальский цикл» [5, с. 560].

Исследования, посвященного особенностям репрезентации Карелии в стихотворениях Ахмадулиной, на данный момент нет. Кроме того, вопрос описания региона в русской литературе также требует внимания и уточнения. Цель нашей статьи – рассмотреть особенности образа Карелии в произведениях «сортавальского цикла». Нужно отметить, что само слово «Карелия» не упоминается в текстах, а пространство, окружающее лирическую героиню, чаще всего именуется ей как «север». Однако мы выбрали именно такую формулировку темы, так как в каждом случае Ахмадулина указала место написания – Сортавалу, и в текстах встречаются конкретные топонимы, относящиеся к территории Карелии – Сортавала, Ладога, Валаам. Кроме того, описываемое пространство наделяется специфическими чертами, выделяющими его из «северного» контекста.

В Сортавале Б. Ахмадулина написала целый ряд стихотворений: «Мне дан июнь холодный и пространный», «Шестой день июня», «Черемуха белоночная», «Здесь никогда пространство не игриво», «Я – лишь горы моей подножье», «Лапландских летних льдов недалняя граница», «Лишь июнь сортавальские воды согрел», «Вошла в лиловом в логово и в лоно» и другие. Произведения формально не образуют цикл, большая часть вошла в сборник «Сад». Но, по нашему мнению, их можно рассмотреть как единство по нескольким причинам. Первая причина – история создания. Приведенные выше воспоминания позволяют предположить,

что и Ахмадулина, и ее близкие видели в поездке завершённый творческий акт. В данном контексте интересно и то, что произведения четко датированы, в текстах встречаются указания на время создания – с начала до конца июня. Таким образом, автором была задана четкая последовательность развития лирического размышления. Кроме того, стихотворения объединяет образ места, где находится героиня. Важную роль в его раскрытии играет временная динамика, которая выражается в постоянном накоплении и углублении впечатлений.

Начальный этап знакомства с пространством связан с культурной атмосферой. Это выражается прежде всего в обращении к литературным образам, связанным со скандинавской и финской культурой, что обусловлено близостью Финляндии и Норвегии. В стихотворении «Все шхеры, фиорды...» упоминается имя писателя Гамсуна и героини романа «Пан» фрекен Эдвады. Окружающая обстановка располагает героиню к тому, чтобы перевоплотиться в персонажей, примерить сюжет на себя. Ассоциативный ряд продолжают образы Ибсена и Сольвейг («Я – лишь горы моей подножье...»). Также в некоторых произведениях встречаются упоминания сюжетов карело-финского эпоса Калевалы.

Однако на первый план выходят световые, цветовые и звуковые особенности места. Так, в стихотворении «Ночь: белый сонм колонн надводных», которое открывает цикл, отражено первое впечатление от нового пространства – его звуковая характеристика. Сюжет основан на воспоминаниях о боа из синих перьев актрисы Алисы Коонен, которое Ахмадулина купила на аукционе. Размышления направлены не столько на само событие, сколько на слово «Коонен». Акцент делается на звуковой ассоциации с простором: отсутствие преград, водная гладь, тишина дают возможность произнести этот «удвоенный гласный». Героиня как бы пробует место на звук:

Аа – таков ответ незримых колоколен.

То – эхо возвратил недалний Валаам [1, с. 301].

Также при описании окружающей обстановки Ахмадулина уделяет внимание цветам; ключевые из них – серый, черный, серебристый, блестящий, сверкающий, белый. Они формируют оппозицию «север-юг», образно выраженную в сравнении серебра как главного цветового символа Севера и золота как символа Юга. По нашему мнению, такое противопоставление крайне характерно для творчества поэта: оно отразилось в стихотворениях разных лет о Грузии. Южная тема в них раскрывается в образе спасительного и благодатного, но чужого края. Лирическая героиня выступает в них в роли сироты и подкидыша. В «сортавальском цикле» делается акцент на различии ощущений: главная «северная» эмоция – умиротворение, гармония.

Нужно отметить, что такие цветовые характеристики, как серебро, блеск, сверкание, используются в первую очередь для описания Ладожского озера. Этот образ встречается в большинстве произведений цикла и становится своеобразной эмблемой места. Рядом с ним героиня достигает состояния, которое точнее всего можно определить как состояние душевного лада. В стихотворении «Лапландских летних льдов недалняя граница» созданию такого ощущения способствует прием аллитерации. Акцентирование звука «л», с одной стороны, создает ощущение движения по воде и ее мягких переливов, а с другой стороны, отсылает к ключевому слову – лад.

Значима в цикле и символика белого цвета, который появляется уже в самом начале. Прежде всего этого образ белой ночи, который определяет Карелию как пространство севера. Кроме того, ночь в художественном мире Ахмадулиной выполняет роль сакрального времени, времени поэтических трудов. По замечанию исследователя, «ночь для Ахмадулиной – это средоточие всех необходимых условий для творчества» [2, с. 331]. Отсутствие темноты путает суточный цикл, поэтому в стихотворениях неоднократно появляется образ будильника, он помогает вернуться в привычное время, отделить ночь ото дня. Героиня следует за течением ночи («Мне дан июнь холодный и пространый»), разделяет ее на фазы и сверяет ощущения, выраженные в словах, с реальным временем:

Сверяю свет и слово – так аптекарь

То на весы глядит, то на рецепт [1, с. 301].

Время определяется двумя началами – реальным ходом часов и изменениями в природе. Лирическое переживание направлено на поиск связи между ними.

Символику белого продолжает образ черемухи («Черемуха белоночная»), который в «сортавальском цикле» наделяется «северными» чертами: она статная, холодная, сдержанная, отстраненная. Кроме того, в поисках подходящего наименования для цветущего дерева героиня обращается к финскому языку:

Все нежность, нежность. И не оттого ли
растенье потупляет наготу
пред грубым взором? Ведь она – туоми.
И куйва туоми, коль в цвету [1, с. 304].

Таким образом, черемуха несет на себе отпечаток окружающего пространства, а сближение с ней становится одним из способов познать специфику места. Важно также, что этот образ рассматривается исследователями как постоянный спутник творческого процесса у Ахмадулиной. По мнению М. С. Михайловой, его роль заключается в том, чтобы «нивелировать роль рацио, активизировать творческое интуитивное начало» [9, с. 195]. В данном контексте попытка установить духовную связь с деревом может быть истолкована как синоним творческих мук. Близость черемухи необходима для появления нового стихотворения.

Сюжет поиска вдохновения поддерживается также мотивом игры. Между героиней и деревом разыгрывается спектакль, театральность действия подчеркивает упоминание имени актера Сальвини:

Ночного света маленькая убыль.
Внутри огня, помоста на краю,
с какой тоской: – Она меня не любит! –
я голосом Сальвини говорю [1, с. 305].

Интересно, что представление творческого процесса как игры – характерный для Ахмадулиной прием, что неоднократно отмечалось исследователями [9]. Итог такой игры – создание нового текста.

В центральных стихотворениях цикла развивается тема творчества, которая объединяет этапы постижения пространства в единый акт поэтической мысли. В данном контексте необходимо сказать еще об одном образе – образе Валаама. Остров рассматривается Ахмадулиной как обитель христианства, располагающая к смирению, организующая все вокруг себя по принципу душевного лада, например, в стихотворении «Лапландских летних льдов недальняя граница». С образом монастыря в цикл входит мотив отшельничества, уединения. Е. Ш. Галимова отмечает, что в произведениях о русском севере «житийный мотив ухода в лес в стремлении к пустынножительству отражает реальные процессы монастырского освоения Севера и миграции старообрядцев в пореформенный период, получают развитие в поэзии и прозе XX века, дополняясь новыми, иногда неожиданными смысловыми оттенками» [4, с. 66]. По мысли исследователя, бегство от людей в литературе связано с темой поиска идеала, духовного очищения. Мотив неторопливости и умиротворения пространства, которое оказывает колоссальное влияние на человека, делает возможным постижение истин жизни и их перерождение в творческом акте, становится постоянным в «сортавальском цикле». Героиня стихотворения «Не то, чтоб я забыла что-нибудь» достигает максимальной слитности с окружающей природой: она ощущает себя маленькой частью мира и жизни. Ее внутреннее состояние можно охарактеризовать как состояние гармонии:

Я думаю: вернуться ль в род людей,
Остаться ль здесь, где я не виновата
Иль прощена? [1, с. 306].

Интересно также, что монастырская тема дополняется образом монаха-затворника, связанного с ирреальными силами, как, например, в стихотворении «Лишь июнь сортавальские воды согрел». Он создается при помощи таких устойчивых в литературе художественных деталей, как «приворотный отвар», «болотный огонь», «ведовская каморка», «крылатые мыши», «чернокнижная кладовая». Вероятно, чернокнижник в данном случае коррелирует с образом поэта. На это указывает то, что, как мы уже отмечали, сюжет поиска вдохновения в «сортавальском цикле» развивается в контексте слияния с природой. В данном случае роль своеобразного природного «тотема» играет сирень, наедине с которой герой создает «варево мысли». В этом контексте примечательно также стихотворение «Под горой – дом-горюн, дом-горыныч живет». Центральное место здесь занимает образ дома на отшибе, который составляет единое целое с окружающей природой:

Дом причастен воде и присвоен горой.
Помыкают им в очередь волны и камни [1, с. 307].

Слияние с окружающим миром подчеркивается цветом стен – зеленым. Героиня наедине с природой постигает тайны мироздания:

Скудость темени – свалка пустот и чернот.
Необщительность тайны меня одолеет.
О, узреть бы под утро прозрачный чертог
вместо зыбкого хаоса, как Менделеев [1, с. 308].

Таким образом, важнейшая для всего творчества Ахмадулиной тема поэтического труда в стихотворениях, написанных в Сортавале, претерпела изменения. Образ поэта принял очертания монаха-чернокнижника, постигающего тайны жизни, а на первый план вышли природные, а не культурные характеристики места, что крайне необычно для художественного мира поэта, ориентированного на культуру.

Карелия в рассматриваемых произведениях, безусловно, маркируется как северное пространство. На это указывают такие художественные детали, как белая ночь, туман, холод, а также упоминание топонимов – Валаам, Ладога. Кроме того, наблюдается близость к Северному тексту русской литературы. Его главная «смысловая установка», согласно формулировке Е. Ш. Галимовой, заключается «в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства, таящего в себе в «запечатленном» виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [3, с. 21]. Образы лада, ладанки, ладьи создают ассоциативный ряд, отсылающий к русской древности. Особенное душевное состояние, которое героиня достигает благодаря воздействию места, помогает приблизиться к истине и выразить ее в творчестве. Конечно, причастность Ахмадулиной к Северному тексту – открытый вопрос и нельзя сделать однозначного вывода на основе рассмотрения произведений одного периода. Но, на наш взгляд, анализ «сортавальского цикла» позволяет признать само существование этого вопроса.

В завершение подведем итоги. В стихотворениях Б. Ахмадулиной, написанных в Сортавале в 1985 году, пространство становится объектом художественной рефлексии поэта. Безусловно, оно мыслится автором как северное, о чем свидетельствуют такие традиционные образы, как белая ночь и холод, противопоставление югу. Однако образ Карелии обладает рядом характеристик, выделяющих ее из северного контекста. Так, одной из ключевых особенностей места в «сортавальском цикле» является переплетение русской древности и финской, скандинавской, карельской культур. Это выражается и в использовании мифологических образов Калевалы, и в поиске наименований предметов в финском языке, и в литературных отсылках. Кроме того, на первый план в описании выходят природные образы, что необычно для творчества поэта. Важную роль играет водная символика, что связано с такими эмблематичными карельскими локусами, как Ладожское озеро и остров Валаам. По нашему мнению, это свидетельствует о сближении авторского восприятия с константными образами и основной смысловой установкой Карельского текста.

В стихотворениях Б. Ахмадулиной тема Карелии получает новое звучание. Так, мотив обретения гармонии в сближении с природой реализуется в контексте темы поэтического труда и получает иную трактовку: природа дает героине необходимый душевный настрой, помогает приблизиться к истине. В связи с темой творчества в стихотворениях активно развивается мотив колдовства и загадочности места, появляется образ монаха-чернокнижника. Важной особенностью стихотворений, написанных в Сортавале, является то, что они образуют единый цикл, в котором последовательно отражено авторское постижение окружающего пространства. Образ Карелии раскрывается в них в динамике – от первых слуховых и зрительных ощущений до понимания его сути, слияния с ним, воплощения в поэтическом творчестве.

Список литературы

1. Ахмадулина Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе. Москва : Альфа-книга, 2012. 856 с.
2. Башкайкина Д. Мотивная структура концепта «творчество» в лирике Б. Ахмадулиной // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 4. С. 327–335.
3. Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография. Т. 1. Архангельск : Имидж-пресс, 2017. С. 9–26.
4. Галимова Е. Ш. Локус леса в художественной картине мира северного текста // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография. Т. 1. Архангельск : Имидж-пресс, 2017. С. 173–187.
5. Завада М. Р. Белла. Встречи вослед. М. : Молодая гвардия, 2017. 589 с.
6. Изотов А. Б. Магия Сортавалы: пространственно-временные и культурные образы города // Вестник Евразии. 2008. № 1. С. 149–202.

7. Маркова Е. И. Карельский текст как предмет изучения // Филология прошлого и будущего : по материалам Международной науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения» / Н. П. Анциферов. М. : ИМЛИ РАН, 2012. С. 385–390.

8. Михайлова М. С. Концепт сада и метафора «цветочного времени» в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» // Культура и текст. 2005. № 8. С. 192–197.

9. Михайлова М. С. «Таинственный ребенок»: дети и детское начало в поэзии Беллы Ахмадулиной // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2010. № 4. С. 81–86.

10. Патроева Н. В. Карельские мотивы и фольклорные элементы в лирике Р. Рождественского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5. С. 87–91.

11. Патроева Н. В. Образы Финляндии и Карелии в русской романтической лирике: формирование поэтической традиции и синтактика тропеических контекстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 37–42.

12. Разумова И. А. «Под вечным шумом Кивача...» (Образ Карелии в литературных и устных текстах) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М. : Языки славянской культуры, 2004. URL: <https://bookitut.ru/Geopanorama-russkoj-kuljture-Provincziya-i-ee-lokaljnye-teksty.18.html>.

13. Трубицина Н. А. Водная стихия как доминанта «карельского текста» в книге Михаила Пришвина «в краю непуганых птиц» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 3. С. 74–77.

14. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Филология прошлого и будущего : по материалам Международной науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения» / Н. П. Анциферов. М. : ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.

15. Шилова Н. Л. Остров Киж и русская литература : монография. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-R) ; 12 см.

"And fine is the structure of the soul, open for love": the image of Karelia in the poems of Bella Ahmadulina

K. I. Yashina

postgraduate student, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-3412-9262. E-mail: ksenkki13@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the image of Karelia in the works of B. Ahmadulina. The research material was poems written in June 1985 in Sortavala. It is shown that they can be considered as a single cycle. The relevance of the work is due to the fact that at the moment there is no research devoted to the peculiarities of representation of the region in Ahmadulina's poems, and the issue of describing the region in Russian literature is insufficiently covered. The author focuses on the consideration of Karelia as a place that is inscribed in the tradition of the image of the Russian North, but stands out from it. It is proved that one of its key characteristics in the "Sortavala cycle" is the mixing of different cultures – Russian, Finnish, Karelian, and Scandinavian. It is noted that sound, color and light features of the space come to the fore in the description. The article highlights two symbolically important loci – the island of Balaam and lake Ladoga, which are associated with the dominant feeling in all the poems – harmony. The author proves that the works represent a gradual comprehension of the surrounding area and attempts to express impressions in a poetic word. The theme of creativity, which unites all the considered works, acquires new features. Ahmadulina's characteristic motif of solitude and detachment of the poet is supplemented by the theme of unity with nature. The proximity of Balaam transforms the image of the poet living alone, complements it with the features of a monk-sorcerer. The author also notes that Karelia is marked as the Northern space in the works. The author suggests that the poems are close to the semantic setting of the Northern text of Russian literature.

Keywords: Ahmadulina, "Sortavala cycle", Karelian text, Northern text, Balaam, lake Ladoga.

References

1. Ahmadulina B. A. *Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome* [Complete works in one volume]. M. Alfa-kniga. 2012. 856 p.

2. Bashkajkina D. *Motivnaya struktura koncepta "tvorchestvo" v lirike B. Ahmadulinoj* [Motiv structure of the concept "creativity" in the lyrics of B. Ahmadulina] // *Letnyaya shkola po russkoj literature* – Summer school on Russian literature. 2015. Vol. 11. No. 4. Pp. 327–335.

3. Galimova E. Sh. *Severnyj tekst russkoj literatury: metodologiya issledovaniya* [Northern text of Russian literature: research methodology] // *Severnyj tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa : monografiya* – The Northern text as the logos form of being of the Russian North : monograph. Vol. 1. Arkhangelsk. Imagepress. 2017. Pp. 9–26.

4. Galimova E. Sh. *Lokus lesa v hudozhestvennoj kartine mira severnogo teksta* [Locus of the forest in the artistic picture of the world of the Northern text] // *Severnyj tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa : monografiya* – The Northern text as the logos form of being of the Russian North : monograph. Vol. 1. Arkhangel'sk. Image-press. 2017. Pp. 173–187.

5. Zavada M. R. *Bella. Vstrechi vosled* [Bella. Meetings in after]. M. Molodaya Gvardiya. 2017. 589 p.

6. Izotov A. B. *Magiya Sortavaly: prostranstvenno-vremennye i kul'turnye obrazy goroda* [Sortavala magic: spatial-temporal and cultural images of the city] // *Vestnik Evrazii* – Herald of Eurasia. 2008. No. 1. Pp. 149–202.

7. Markova E. I. *Karel'skij tekst kak predmet izucheniya* [Karelian text as a subject of study] // *Filologiya proshlogo i budushchego : po materialam Mezhdunarodnoj nauch. konf. "Pervye moskovskie Anciferovskie chteniya"* – Philology of the past and future : based on the materials of the International scientific conference "The first Moscow Antsiferov readings" / N. P. Antsiferov. M. IWLl RAS. 2012. Pp. 385–390.

8. Mihajlova M. S. *Koncept sada i metafora "cvetochnogo vremeni" v knige Belly Ahmadulinoj "Sad"* [The concept of the garden and the metaphor of "flower time" in Bella Ahmadulina's book "Garden"] // *Kul'tura i tekst* – Culture and text. 2005. No. 8. Pp. 192–197.

9. Mihajlova M. S. *"Tainstvennyj rebenok": deti i detskoe nachalo v poezii Belly Ahmadulinoj* ["The mysterious child": children and the child's beginning in the poetry of Bella Ahmadulina] // *Vestnik Altajskoj gosudarstvennoj pedagogicheskoj akademii* – Herald of the Altai State Pedagogical Academy. 2010. No. 4. Pp. 81–86.

10. Patroeva N. V. *Karel'skie motivy i fol'klornye elementy v lirike R. Rozhdestvenskogo* [Karelian motifs and folklore elements in the lyrics of R. Rozhdestvenskiy] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2015. No. 5. Pp. 87–91.

11. Patroeva N. V. *Obrazy Finlyandii i Karelii v russskoj romanticheskoj lirike: formirovanie poeticheskoi tradicii i sintaktika tropeicheskikh kontekstov* [Images of Finland and Karelia in Russian romantic lyrics: the formation of a poetic tradition and syntactics of tropeic contexts] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2019. No. 5 (182). Pp. 37–42.

12. Razumova I. A. *"Pod vechnym shumom Kivacha..." (Obraz Karelii v literaturnyh i ustnyh tekstah)* ["Under the eternal noise of Kivach..." (Image of Karelia in literary and oral texts)] // *Geopanorama russskoj kul'tury: Provinciya i ee lokal'nye teksty* – eopanorama of Russian culture: Province and its local texts. M. Languages of Slavic culture. 2004. Available at: <https://bookitut.ru/Geopanorama-russskoj-kuljtury-Provincziya-i-ee-lokaljnye-teksty.18.html>.

13. Trubicina N. A. *Vodnaya stihiya kak dominanta "karel'skogo teksta" v knige Mihaila Prishvina "V krayu nepuganyh ptic"* [The Water element as the dominant of the "Karelian text" in the book by Mikhail Prishvin "In the land of unafraid birds"] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of the Petrozavodsk State University. 2013. No. 3. P. 74–77.

14. Shilova N. L. *Kizhskij tekst v russskoj literature* [Kizhi text in Russian literature] // *Filologiya proshlogo i budushchego : po materialam Mezhdunarodnoj nauch. konf. "Pervye moskovskie Anciferovskie chteniya"* – Philology of the past and future : based on the materials of the International scientific conference "The First Moscow Antsiferov readings" / N. P. Antsiferov. M. IWLl RAS. 2012. Pp. 391–395.

15. Shilova N. L. *Ostrov Kizhi i russskaya literatura : monografiya* [Kizhi Island and Russian literature : monograph]. Petrozavodsk. PetrSU. 2018. 1 electron. opt. disk (CD-R); 12 cm.